

УДК 94 (470) "1941/1945"

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО СПАСЕНИЮ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л. Л. Газиева

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6-8
lghist@yandex.ru

Рассматриваются политико-правовые и историко-психологические проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны во время Великой Отечественной для спасения жизни и здоровья детей. Показана преемственность в педагогическом опыте по реабилитации детской психики, в том числе в применении методов подавления жестокости, разрушительной для детской психики.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, дети.

Методологические аспекты исследования

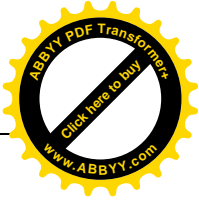
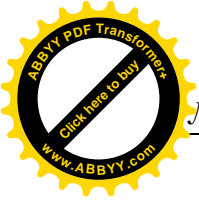
Использование в условиях Великой Отечественной войны опыта российских педагогов и медиков по спасению детей, полученного в период Первой мировой войны, предполагает анализ эффективности борьбы за выживание детского населения и ее основных аспектов, включая нравственную и социально-психологическую адаптацию, предотвращение отдаленных последствий военной травмы для гражданского населения, пережившего войну в детстве, связанные с этим трансформации культуры. Разрешение данной проблемы требует изучения изменения политико-правовой инфраструктуры, в том числе ее социально-психологических компонентов.

Несмотря на ряд исследований, посвященных сравнительному анализу влияния обеих мировых войн на общество [Опыт мировой войны..., 2007; Общество и война..., 2010], проблема использования опыта Первой мировой войны для спасения детей в период Великой Отечественной остается недостаточно изученной историками. Однако трудности применения международного гуманитарного права для спасения гражданского населения в современных условиях делают эту проблему актуальной.

Отсутствие международных договоров об охране детства в условиях вооруженных конфликтов вплоть до 1977 г. делало спасение детей сложным и малоэффективным. Об этом свидетельствует рост прямых потерь гражданского населения во втором глобальном конфликте почти в 10 раз по сравнению с первым (соответственно 48 и 5%) [Опыт мировой войны..., 2007, с. 73]. Вместе с тем в течение 37 лет, прошедших со дня принятия I и II Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям, их применение вызвало трудности. Одна из них – влияние «обычного права», определяемого социокультурными традициями, на применение международного гуманитарного права. При этом необходимо учитывать трансформацию «обычных норм» поведения в условиях войны. Допустимые трансформации, вызванные условиями войны, могут быть отражены в содержании понятия социальной нормы, как и существующие культурно-исторические традиции. Степень допустимости таких трансформаций – один из специфических вопросов антропологии военной культуры. С этих позиций анализируются естественно-исторические процессы в развитии обычных норм поведения гражданского населения во время длительной осады мегаполиса на примере блокады Ленинграда [Яров, 2011, 2013; Пянкевич, 2014].

Под спасением гражданского населения, в том числе детей, во время военных конфликтов современное право понимает сохранение уровня нравственного, физического, психического и социального здоровья, достаточного для дальнейшей адаптации к нормальным социальным условиям.

Для анализа данной проблемы в статье использованы документы международного гуманитарного права, размещенные на официальном сайте Международного комитета Красного Креста (МККК) [www.icrc, 2014], документы международного трудового права, размещенные на офици-

альном сайте Международной организации труда [www.ilo.org, 2014].

Публицистические произведения периода глобальных войн 1914–1918 и 1941–1945 гг. позволяют рассмотреть эτικο-эстетические аспекты осмысления военного насилия в отношении детей и его последствий [Брусянин, 1917; Левитов, 1943; Бугреева, 1944; Maurer, 1950]. Исследование эмоциональной инфраструктуры политики во взаимосвязи с последствиями травм детской психики дают возможность определить устойчивость переживаний, связанных с насилием в детском возрасте, а также влияние эмоциональных переживаний масс на политические тенденции [Girling, 2006; DeMause, 2008]. На особое значение эмоциональных переживаний детей, связанных с военным насилием во время Первой мировой войны, для развития послевоенных общественных взаимоотношений указывают современные антропологические исследования [Потемкина, 2007; Сальникова, 2007]. Мало знакомы исследователям свидетельства о состоянии детей и мероприятиях по их спасению, содержащиеся в воспоминаниях и дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда, представленные в коллекции Народного музея педагогического колледжа № 8 Санкт-Петербурга «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» (НМПК. Ф. Ц. Оп. 2. Д. 10. Л. 184–186).

Основные направления развития международного гуманитарного права в 1907–1944 годах

Начало институционализации прав ребенка в эпоху оружия массового поражения было положено принятием 18 октября 1907 г. IV Гаагской конвенции, которую мы вправе считать гениальным детищем российской дипломатии. В содержании конвенции прямо не оговаривались права детей, но указывалось: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [IV Гаагская конвенция. Преамбула]. Именно эта формула позволила мировому сообществу предъявить гитлеровским преступникам в 1945 г. обвинение в нарушении человечности и на основании действующего обычного военного права разработать Устав международного трибунала, осудившего военных преступников.

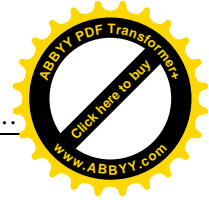
Однако разрешение проблемы массовых человеческих жертв во время войн и военных конфликтов предполагало заключение международных договоров, способных защитить детей и подростков от военного насилия, как физического, так и психического. Поэтому было необходимо нравственное осмысление прав ребенка с позиций обыденного, научного и правового сознания. Нужно было убедить человечество в важности охраны детства и материнства от насилия как залога того, что у человечества есть будущее.

Эти задачи начали решаться уже в ходе Первой мировой войны.

Многие конкретные положения, выработанные в этот период, получили первоначальное закрепление в обычном праве. Таковы определение статуса детства исходя из возрастных и физиологических особенностей; положения о недопустимости трудовой эксплуатации детей, защите детей от физического и психического насилия, недопустимости распространения военной идеологии среди детей, защите прав детей-сирот и детей-беженцев.

Между двумя войнами в международном трудовом праве был определен правовой статус детства как подлежащего обучению и воспитанию. В 1919–1937 гг. были подписаны 10 конвенций, а также распоряжения к ним, вводившие возрастные ограничения применения детского труда. Минимальный возраст привлечения подростков к производственному труду в 1936–1937 гг. повысили до 15 лет, за исключением учащихся технических школ [Бюро МОТ в Москве].

Эти нормы были учтены при разработке статуса детства в законодательстве РСФСР в 1940–1944 гг. В советском законодательстве 1936–1943 гг. выделялись нескольких возрастных групп лиц до 18 лет: несовершеннолетние, дети, малолетние дети, подростки. Критерий различения статусов «детство» и «несовершеннолетние»: обучение или трудовая деятельность – соответствовал международному трудовому праву. Группы «детей» и «подростков» до 16 лет, подпадающих под действие закона о всеобщем обучении, отделялись от «несовершеннолетних», т. е. старших подростков 16–18 лет, трудовая эмансипация которых закреплялась в 1942 г. уголовным правом. В Уголовном кодексе РСФСР 1941 г. была дополнительно выделена группа «малолетних» до 12 лет. Эта группа определялась как «дети» при нормировании питания [Газиева, 2014, с. 43].

В 1943 г. в постатейных комментариях к Уголовному кодексу РСФСР впервые появился юридический термин «подростки». Там же за подростками закрепился статус «учащиеся» [Уголовный кодекс, 1943]. Согласно Постановлению СНК РСФСР № 637 от 14 июля 1943 г. «Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении» подростки до 15 лет обязаны были обучаться в школах [Собрание постановлений..., 1943].

Рационализация этических аспектов международного гуманитарного права в 1919–1941 годах. Проблема жесткости как культурно-историческая проблема

В период между Первой и Второй мировыми войнами важнейшей проблемой становится рационализация этических аспектов охраны детства и материнства в условиях войны.

В 1919 г. при Лиге Наций был создан Комитет детского благополучия. По инициативе членов Международного союза спасения детей Эглантин Джебб, Януша Корчака, Гюстава Адора на 5-й сессии Лиги Наций в 1924 г. была принята Декларация прав ребенка, содержащая гуманные принципы защиты детей. Однако она так и не была ратифицирована [Женевская декларация прав ребенка]. Отказ от ратификации свидетельствовал о незрелости обычного права, используемого при решении вопросов охраны детства и материнства, и, как следствие, о необходимости этико-правового осмысления общественным сознанием последствий военного насилия в отношении женщин и детей.

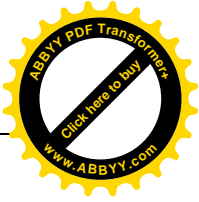
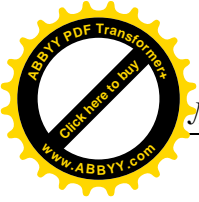
Насилие – военная жестокость и ненависть как реакция на нее, приводящие к трансформации общественного сознания, занимают особое место среди эмоциональных переживаний в период войны. Анализу этих трансформаций, как средству выживаемости гражданского населения на войне, посвящены новейшие исследования блокады Ленинграда 1941–1944 гг. [Яров, 2011, 2013; Пянкевич, 2014].

Так, С. В. Яров, считая, что проявление жесткости по отношению к близким людям в ряде случаев было необходимым во имя спасения в блокадном Ленинграде, отмечает: «Жестокость являлась необходимым условием спасения людей, и она же разрушала этику, делавшую необходимым самый акт спасения: лекарство оказывалось одновременно и ядом, и противоядием» [Яров, 2011, с. 204].

Развитием этой мысли служит анализ В. Л. Пянкевичем эмоциональных переживаний женщин в период блокады Ленинграда, выражаемых различными слухами. Он приходит к выводу о том, что слухи являлись условием коллективного выживания, отмечая при этом, что самой страшной темой женских разговоров являлась судьба детей. Жестокость по отношению к детям (людоедство, бомбежки в Лычково) переживалась как кошмар: «...видеть раненых и больных детей, совершенно без помощи, было почти непосильно!» [Пянкевич, 2014, с. 168–169, 422, 468]. Побудительным мотивом к распространению слухов выступало желание знать настоящее и будущее в «словно остановившееся» время блокады [Там же, с. 467–468]. В данном случае блокадные слухи представлены как форма мифологизации сознания в смещенном временном пространстве, а их эмоциональное содержание – как психические трансформации. И С. В. Яров, и В. Л. Пянкевич рассматривают эти трансформации как средство выживания. Однако вскрытые антиномии указывают на глубокий конфликт предписывающих и предсказывающих экспектаций (коммуникативных ожиданий, установок) в данных случаях. Оба автора соглашаются с тем, что этот конфликт разрешался благодаря возникновению фантазий, утопических мечтаний апокалипсического или «пасторального» характера [Там же, с. 378, 475].

Следует заметить, что проблема трансформации общественного сознания в осажденном Ленинграде под влиянием конфликта экспектаций, в том числе связанных с чувствами вины и отчаяния, имеет принципиальное значение, как фактор выживания культурного социума. При этом проблема трансформаций нравственных ценностей, в том числе милосердия и жестокости, является ключевой. Дальнейшее изучение таких трансформаций требует социальной стратификации мемуаристов, чьи воспоминания являются базовым материалом для исследования, чтобы выявить стереотипы поведения. Необходимо выяснить, в каких случаях апокалипсические фантазии, а в каких рассудочные стереотипы поведения служили способом примирения конфликта экспектаций и какой из этих способов служил сохранению устойчивых культурных взаимосвязей, в конечном счете, выживанию ленинградского населения как культурного социума.

В данном исследовании остановимся на проблеме патриотизма как культурно-исторического

стереотипа, связанного с экспектацией военного насилия, способствующего выживанию социума.

Патриотизм как культурно-исторический стереотип, снимающий конфликт экспектаций и способствующий выживанию социума

Жестокость как социально-психологический фактор в условиях войны приобретает идеологический характер. Так, о доминировании идеологической установки на разжигание ненависти к врагу у советского населения как гражданского долга в период Великой Отечественной войны пишет Йекелчик [Yekelchuk, 2010]. Проблема формирования жестокости у детей и женщин во время и Первой, и Второй мировой войны поднимается многими авторами [Сальникова, 2007].

Аморальный аспект воспитания у детей жестокости и ненависти, разрушающего их психику, в начале XX в. встречал сопротивление со стороны выдающихся российских педагогов-гуманистов, педиатров, публицистов. Уже в период Первой мировой войны на необходимость отвлекать детей от войны, бороться с формированием у них жестокости, обращал внимание известный публицист В. В. Брусянин в книге «Война. Женщины и дети», одной из первых посвященной этому вопросу [Брусянин, 1917]. При этом он ссылаясь на результаты исследования известного психолога В. В. Зеньковского. На коллоквиуме «Дети и война», прошедшем 30 ноября 1916 г. в Киевском университете, Зеньковский, проанализировав переживания детей, отмечал их желание участвовать в войне: одних – чтобы помочь раненым, других – чтобы сражаться [Брусянин, 1917, с. 123, 124].

Острый конфликт экспектаций был вызван идеологической пропагандой насилия по отношению к врагу как проявления гражданского долга, с одной стороны, и необходимостью гуманного воспитания ребенка – с другой. Данный конфликт российские педагоги и психологи предлагали снимать воспитанием патриотизма как естественного, природного чувства человека, закрепленного рассуждением зрелой личности о своей исторической идентичности. Патриотизм имеет целый ряд важных для здорового развития психики аспектов: любовь к родной природе, к родной истории.

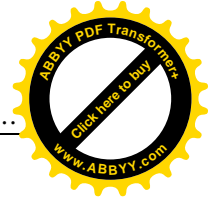
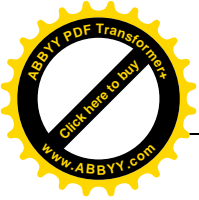
Развитию любви к Родине были посвящены труды многих российских педагогов и психологов в начале Первой мировой войны. Их опыт был использован дошкольной педагогикой в годы Великой Отечественной: труды Е. Звягинцева, В. Зеньковского, С. Левитина, опубликованные в 1914–1915 гг., рекомендовались воспитателям дошкольников в 1944 г. в журнале «Дошкольное воспитание» (орган Наркомпроса РСФСР) [Что читать о воспитании..., 1944].

Богатство внутреннего содержания патриотизма обеспечивало значимость данного компонента в педагогике военной поры, причем мотивация патриотизма любовью к родной природе и истории позволяла достичь реабилитации детской психики. Любовь к Родине, как это свойственно искренней любви вообще, одновременно подавляет излишнюю жестокость и пробуждает чувство собственного достоинства. Несмотря на то что в начале Великой Отечественной войны ненависть к врагу являлась естественной реакцией на агрессию, основной акцент в воспитании делался на восхищение героизмом и любовь к Родине, ее полям, лесам и людям, на уважение к героям.

Противоречия идеологического воспитательного воздействия на детей дошкольного возраста в период Великой Отечественной войны можно выявить, анализируя материалы журнала «Дошкольное воспитание». Формирование ненависти к врагу ставилось Управлением дошкольного воспитания Наркомпроса РСФСР как основная цель этико-эстетического воспитания детей, несмотря на вмешательство психологов, указывающих на разрушительное воздействие такого воспитания на психику ребенка, и призывы сместить акцент на героический компонент [Левитов, 1943] вплоть до 1944 г. Однако уже в статье педагога М. Н. Бугреевой, напечатанной в 1944 г., понятие ненависти вытесняется понятием любви. Она как будто ведет полемику с официальной идеологией [Бугреева, 1944].

В 1943–1944 гг. в советской научно-методической литературе рекомендовалось воспитывать дошкольников через восхищение героизмом. В дневниках, воспоминаниях, как и в статьях военного периода, постоянно встречаются примеры проявления детьми доброты, жалости. Объяснение этому через психологию детского характера давалось в журнале «Дошкольное воспитание», в статьях профессоров Е. А. Аркина и Н. Д. Левитова [Аркин, 1943; Левитов, 1943]. В этот период содержание воспитательной деятельности в дошкольных учреждениях постепенно меняется: официальная установка на формирование ненависти к врагу сменяется установкой на формирование у ребенка чувства любви и сострадания к раненым бойцам, другим детям.

Наиболее четко данное противоречие проявляется при анализе мотивации поведения детей в дневниках военного времени старшего инспектора районного отдела образования исполкома Куй-

бышевского района г. Ленинграда Е. Л. Щукиной. В них почти полностью отсутствует компонент воспитания ненависти к врагу: «Мы наблюдаем сейчас во всех детских учреждениях необыкновенный рост у детей чувства заботы о своем товарище. Вот Галя Б. ошпарила себе дома ножку. Дети окружили ее особенной заботой. Заботливо водили ее. Всячески оберегали, первое приносили, тарелку супа, или второе, давали лучшую игрушку (детсад № 42) ...» [Щукина, 2010, с. 101]. В блокадном Ленинграде дети, воспитатели, детские учреждения нередко превращались в источник эмоционального здоровья раненых бойцов, находящихся в госпиталях, а также членов семьи ребенка, взаимодействуя с ними и вовлекая их в единый процесс борьбы за сохранение человеческой культуры. Активное взаимодействие детей и раненых в госпиталях и направление этого процесса на формирование гуманной мотивации поведения детей осуществлялось под руководством научного сотрудника Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена Е. И. Зейлигер-Рубинштейн (НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. Л. 184–186).

Таким образом, под влиянием опыта реабилитационной педагогики, психологии и педиатрии в годы Первой мировой войны, а также опыта Великой Отечественной войны официальная идеологическая установка на воспитание у детей-дошкольников ненависти к врагу как гражданского долга сменялась установкой на формирование любви к Родине, восхищения героизмом, сострадания к раненым бойцам и детям-сиротам.

О высокой оценке опыта гуманистического воспитания ленинградских детей американскими публицистами в 1944 г. свидетельствует содержание Бюллетеня Общества советско-американской дружбы [Maurer, 1950].

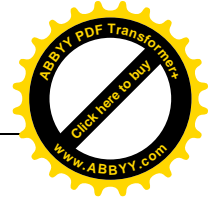
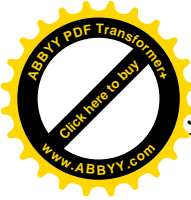
Использование опыта реабилитационной педагогики и педиатрии во взаимосвязи в период Первой и Второй мировых войн характерно как для советской, так и для американской и европейской педагогики. В США более десятка госпиталей и научных центров занимались проблемами реабилитации детской психики начиная с 1914–1938 гг. вплоть до 1948 г. и позднее [Pediatrics and the emotional needs..., 1948].

Реабилитация детей-сирот и детей-беженцев через лагеря беженцев и приюты

Важным аспектом влияния социокультурных взаимосвязей на организацию спасения детей является борьба с беспризорностью, безнадзорностью и реабилитация детей-сирот и детей-беженцев. В 1915–1917 гг. в России, как и в других воюющих странах, принимались меры для защиты детей-беженцев: выплачивались денежные пособия (месячное пособие на ребенка составляло 2 руб. 40 коп.), создавались специальные «беженские городки», детские приюты [Потемкина, 2007, с. 73, 77; Сальникова, 2007, с. 519]. Опыт организации детских площадок для детей-сирот и детей-беженцев как средства борьбы с беспризорностью получил распространение в годы Первой мировой войны и использовался при эвакуации советских детей в 1941–1943 гг. в колхозы и совхозы. Научно-методическое руководство работой таких площадок оставалось в центре внимания НКП РСФСР весь период войны [Устюжанинова, 1941, 1944; Инструкция по изготовлению..., 1942].

Советские специалисты, осуществлявшие научно-методическое руководство дошкольным воспитанием во время Великой Отечественной войны, приступили к этой работе как реабилитационной еще в период Первой мировой. Так, Е. А. Аркин, доктор педагогических наук, консультант Центрального научно-методического дошкольного кабинета Народного комиссариата просвещения РСФСР, был председателем специальной комиссии, занимавшейся устройством очагов для детей-беженцев и подготовкой воспитателей в период Первой мировой войны. Как и Януш Корчак, он начинал со спасения детей-беженцев под Киевом. Позже, в 1936 г., первым в нашей стране защитил докторскую диссертацию по педагогике дошкольного воспитания [Некролог, 1948]. Однако гуманистическое направление в педагогике и педиатрии во время Второй мировой войны развивалось, преодолевая политико-правовые барьеры, связанные с военными преступлениями фашистов. Трагически погиб великий польский педагог Януш Корчак (Эрш Хенрик Гольдшмит), казненный вместе со своими воспитанниками в концлагере Трешлинка гитлеровскими преступниками. До последнего мига своей жизни Корчак оставался верен принципам принятой в 1924 г. Декларации прав ребенка, сделав ее нравственной практикой европейской культуры.

Жертвами гитлеровского наступления оказались многие дети, вывезенные с интернатами в Ленинградскую область, на колхозные площадки, в начале июля 1941 г. По данным диссертационного исследования, из 235 тыс. эвакуированных таким образом ленинградских детей до 15 лет около 105 тыс. пропало без вести или погибло [Газиева, 2014, с. 149].

Этико-правовое осмысление военных преступлений в отношении детства и его влияние на современное международное гуманитарное право, 1945–1977 годы

Преступные действия гитлеровцев в отношении гражданского населения, оказавшегося на оккупированной территории, были осуждены Нюрнбергским трибуналом в 1945 г.

Поскольку «международное право ... происходит из “всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы”», «для того чтобы признать ту или иную норму обычной нормой, необходимо удостовериться в том, что она отражена в практике государств и что международное сообщество убеждено в необходимости такой практики в соответствии с правом» [Защита гражданского населения, 2010].

Сравнение опыта спасения детей в ходе двух мировых войн началось в конце Великой Отечественной войны. Уже 25–27 сентября 1944 г. в Москве состоялось всесоюзное совещание по вопросам охраны материнства и детства. В докладе Наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева было сказано: «...Великая Отечественная война, несмотря на все ее тяготы и трудности... не оказала такого пагубного влияния на жизнь и здоровье детей, как первая мировая война, когда детская смертность увеличилась почти на 30%...» [Митерев, 1944].

Однако трудно разделить это мнение наркома. Только официальные (45 570) и фактические (более 311 921) показатели гибели детей в блокадном Ленинграде 1941–1944 гг. различаются почти в 7 раз. Детская смертность ленинградских детей и подростков увеличили этот показатель в целом до 34% как минимум [Газиева, 2014, с. 314; Бизев, 2001, с. 114].

Такая высокая детская смертность в период Второй мировой войны объясняется более жестокими условиями войны по сравнению с условиями Первой мировой войны. В серьезный фактор детской смертности в военных условиях превращалась неразвитость норм обычного международного права по охране детства и материнства.

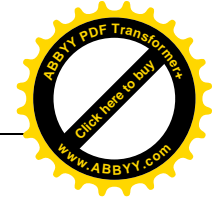
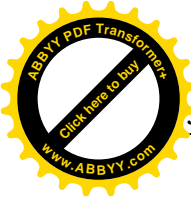
В проблеме Ленинградской блокады наиболее четко выразились противоречия в развитии обычного международного права. Победа «физически и материально» более слабого, но духовно многократно более сильного ленинградского населения определила значимость социокультурных факторов в политике. Советское правительство оценило эту победу как противостояние культурно-исторического социума внешнему врагу.

В 1945–1955 гг. противоречия в развитии обычного и гуманитарного права еще более обострились. В СССР они проявились в идеологическом конфликте в сфере гуманитарных наук, в частности, в замалчивании военного периода в развитии дошкольной педагогики, в критике направления, возглавляемого в психологии профессором С. Л. Рубинштейном, в педагогике – профессором Е. А. Аркиным. Показательна ирония в самокритичной статье авторов учебника «Дошкольное воспитание» в 1949 г., где они так пишут о недостатках своей книги: «Цели воспитания дошкольников изложены исходя из возрастных особенностей ребенка, а не из задач коммунистического воспитания» [Леушина и др., 1949].

Таким образом, этико-правовое осмысление всех аспектов гуманитарной катастрофы, произошедшей во время Второй мировой войны, оказалось актуальной задачей и заняло важнейшее место в формировании международного гуманитарного права в 1949–1977 гг. Результатом этого процесса явилось зафиксированное в Дополнительных протоколах (1977 г.) к Женевским конвенциям (1949 г.) право детей на защиту во время международных и немеждународных вооруженных конфликтов, в том числе требование не допускать разрушения средств жизнеобеспечения гражданского населения, а также запрещение использовать голод среди гражданского населения в качестве средства ведения войны [Протокол I, ч. 4, ст. 54; Протокол II, ч. 4, ст. 14]. Однако эффективность применения этих правовых норм остается недостаточной в условиях современных вооруженных конфликтов.

В заключение необходимо указать на широкое использование опыта Первой мировой войны в организации спасения детей в период Великой Отечественной войны, включая все его компоненты: правовой, нравственный, научно-методический, административно-хозяйственный. Но незрелость как международного гуманитарного, так и обычного права, трансформация общественного сознания привели к низкой эффективности многих мероприятий по спасению детей.

В то же время опыт спасения детей во время глобальных конфликтов XX в. свидетельствует о значимости социально-культурных взаимосвязей, в том числе научно-методического и практического опыта реабилитационной педагогики и педиатрии, разработавших систему сохранения у ре-

РСФСР. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. М., 1941.

Сальникова А. А. Конец сказки: Первая мировая и Гражданская войны в восприятии детей-современников // Опыт мировой войны в истории России. Челябинск, 2007. С. 418–438.

Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. М., 1943. № 4. С. 46–50.

Устюжанинова Е. Р. Помощь колхозной площадке // Дошк. воспитание. 1944. № 5–6. С. 4–7.

Устюжанинова Е. Р., инспектор Управления по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. Повысим качество работы детских садов и площадок в колхозах // Дошк. воспитание. 1941. № 2. С. 52–53.

Что читать о воспитании у ребенка-дошкольника любви к Родине // Дошк. воспитание. 1944. № 1. С. 42–47.

Шукина Е. Л. Очерки блокадных дней / редкол.: Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. СПб., 2010. 247 с.

Яров С. В. Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб., 2011. 596 с.

Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013. 313 с

DeMause L. The Emotional Life of Nations. URL: http://www.psychohistory.com/htm/elno5_psychogenic.html (дата обращения: 05.05.2014).

Girling J. Emotion and Reason in Social Change. Insights from Fiction. New York, 2006. 234 p.

Maurer R. Child care in the Soviet Union. New York, 1950.

Pediatrics and the emotional needs of the child: As discussed by pediatricians and psychiatrists at Hershey. Pennsylvania, 1947, March 6–8. New York, 1948.

Yekelchik S. The Civic Duty to Hate // Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53) / Dept. of History, Dept. of Germanic and Russian Studies University of Victoria, Canada. URL: <http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/7.3iekelchik.pdf> (дата обращения: 05.05.2014).

Дата поступления рукописи в редакцию 26.06.2014

USING THE EXPERIENCE OF WORLD WAR I IN SAVING CHILDREN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

L. L. Gazieva

Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, L'va Tolstogo str., 6-8, 197022, St. Petersburg, Russia
llghist@yandex.ru

The paper describes the problems and contradictions of how the experience of World War I in saving children's lives and health was used during the Great Patriotic War. In 1914-1918, many Russian journalists wrote on the impact of the war on children: for example, Brusyanin showed the necessity of diverting them and their forming consciousness from war cruelty. The works of well-known pedagogical authors Zvyagintsev, Zen'kovskiy, and Levitin were presented in the list of methodical literature, recommended to preschool teachers in 1944. Some papers of the journal "The Early Childhood Education" ("*Doshkol'noye vospitanie*") show that the formation of hatred for the enemy as the aim of education was recommended by the Preschool Department of the RSFSR People's Commissariat for Education. At the same time, in most of the methodical instructions of 1943-1944, the admiration of heroism was suggested to be used. That is why educational activity was to form children's sense of love and compassion to wounded soldiers or other children. Active interaction of children and the wounded in hospitals in purpose of the formation of children's humane motivations was organized under the direction of the Herzen Leningrad State Pedagogical Institute academic Evgeniya Zeiliger-Rubinstein and was highly estimated by American journalists in 1944. However, the experience of World War I in saving children's lives and health could be used more effectively during the Great Patriotic War, if international human rights were more developed.

Key words: World War I, the Great Patriotic War, besieged Leningrad, children.

References

IV Gaagskaya Konventsia 18 oktyabrya 1907 goda. O zakonakh i obychnykh voyny. URL: Gaagskaya%20Konventsia%201907%20goda_%20gaaga_shtml.htm

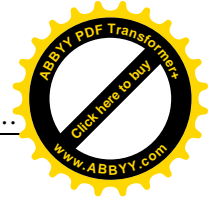
Arkin E. A. Osobnosti rebenka sredney gruppy detskogo sada. *Doshk. vospitanie*. 1943. № 8–9. S. 1–12.

Bizev S. B. Smertnost' grazhdanskogo naseleniya Leningrada v gody bloka-dy 1941–1944 gg. (na materialakh Leningradskoy Gorodskoy komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyaniy nemetsko-fashistskikh zakhvatchi-kov i ikh soobshchnikov): dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2001. 173 s.

Brusyanin V. V. Voyna, zhenshchiny i deti. Pg.; M., 1917. 129 s.

Bugreeva M. N. O moral'nykh proyavleniyakh leningradskikh detey v dni Velikoy Otechestvennoy voyny. *Doshk. vospitanie*. 1944. № 10. S. 20–26.

Byuro MOT v Moskve. Nachalo. URL: <http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/>

- Gazieva L. L. Bor'ba za spasenie detey i podrostkov v blokirovannom Le-ningrade. 1941–1944. SPb., 2014. 428 s.
- Grazhdanskiy kodeks. Ofitsial'nyy tekst s izmeneniyami na 1 avgusta 1948 g. i s prilozheniem postateyno-sistematizirovannykh materialov. M., 1948. S. 14.
- Zhenevskaya deklaratsiya prav rebenka. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C6%E5%ED%E5%E2%F1%EA%E0%FF_%E4%E5%EA%EB%E0%F0%E0%F6%E8%FF_%EF%F0%E0%E2_%F0%E5%E1%B8%ED%EA%E0.
- Zhenevskie Konventsii i Dopolnitel'nye protokoly. URL: <http://www.icrc.org/rus/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions/index.jsp>.
- Zashchita grazhdanskogo naseleniya. Obzor. URL: <http://www.icrc.org/rus/what-we-do/protecting-civilians/overview-protection-civilian-population.htm>.
- Kellenberger Ya. Shestidesyatiletie Zhenevskikh konventsii: izvlekaem uroki iz proshlogo, chtoby s bol'shey uverennost'yu vstretit' budushchee. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/statement/geneva-conventions-statement-president-120809.htm>.
- Levitov N. D. Psikhologicheskie osnovy vospitaniya kharaktera v doshkol'nom vozraste. *Doshk. vospitanie*. 1943. № 10. S. 1–9.
- Leushina A. M., Sorokina A. I., Usova A. P., Varshavskaya O. O knige «Doshkol'naya pedagogika». *Doshk. vospitanie*. 1949. № 10. S. 45–47.
- Mezhdunarodnaya organizatsiya truda. URL: <http://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm>
- Miterev G. A., Narkomzdravookhraneniya SSSR. Zabota o materi i rebenke – vazhneyshaya gosudarstvennaya zadacha (sokr. Doklad na Vsesoyuznom sove-shchaniy po voprosu ob okhrane materinstva i detstva 25–27. IX. 1944) // *Sov. meditsina*. 1944. № 12. S. 3.
- Narodnyy muzey pedagogicheskogo kolledzha № 8 «Deti i doshkol'nye ra-botniki osazhdennogo Leningrada» (NMPK). F. Shch «E.L. Shchukinoy». Op. 2. D. 10. L. 184–186.
- Nekrolog. Efim Aronovich Arkin. *Doshk. vospitanie*, 1948. № 4. S. 35.
- Obshchestvo i vojna: mater. dokl. mezhdunar. nauch. seminar. Ekaterinburg, 26 noyabrya 2009. Ekaterinburg, 2010. 154 s.
- Opyt mirovoy voyny v istorii Rossii: sb. st. / redkol.: I.V. Narskiy i dr. Chelyabinsk, 2007. 613 s.
- Potemkina M. N. Organy rukovodstva evakuatsionnym protsessom: rossiyskiy opyt Pervoy i Vtoroy mirovykh voyn. *Opyt mirovoy voyny v istorii Rossii*. Chelyabinsk, 2007. S. 73–82.
- Pyankevich V. L. «Lyudi zhili slukhami»: Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada. SPb., 2014. 479 s.
- RSFSR. Ugolovnyy kodeks. Ofitsial'nyy tekst s izmeneniyami na 1 iyunya 1942 g. i s prilozheniem postateyno-sistematizirovannykh materialov. M., 1942.
- RSFSR. Ugolovnyy kodeks. Ofitsial'nyy tekst s izmeneniyami na 1 sentyabrya 1943 g. i s prilozheniem postateyno-sistematizirovannykh materialov. M., 1943.
- RSFSR. Ugolovnyy kodeks. S izmeneniyami na 1 avgusta 1941 g. M., 1941.
- Sal'nikova A. A. Konets skazki: Pervaya mirovaya i Grazhdanskaya voyny v vospriyatii detey-sovremennikov. *Opyt mirovoy voyny v istorii Rossii*. Chelyabinsk, 2007. S. 418–438.
- Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy Pravitel'stva RSFSR. M., 1943. № 4. S. 46–50.
- Ustyuzhaninova E. R. Pomoshch' kolkhoznoy ploshchadke. *Doshk. vospitanie*. 1944. № 5–6. S. 4–7.
- Ustyuzhaninova E. R., inspektor Upravleniya po doshkol'nomu vospitaniyu NKP RSFSR. Povysim kachestvo raboty detskikh sadov i ploshchadok v kolkhozakh. *Doshk. vospitanie*. 1941. № 2. S. 52–53.
- Chto chitat' o vospitanii u rebenka-doshkol'nika lyubvi k Rodine. *Doshk. vospitanie*. 1944. № 1. S. 42–47.
- Shchukina E. L. Ocherki blokadnykh dney / redkol.: L. B. Beregovaya, E. N. Dmitrieva i dr. SPb., 2010. 247 s.
- Yarov S. V. Blokadnaya etika: Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg. SPb., 2011. 596 s.
- Yarov S. V. Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada. M., 2013. 313 s
- DeMause L. The Emotional Life of Nations. URL: http://www.psychohistory.com/htm/eln05_psychogenic.html.
- Girling J. Emotion and Reason in Social Change. Insights from Fiction. New York, 2006. 234 p.
- Maurer R. Child care in the Soviet Union. New York, 1950.
- Pediatrics and the emotional needs of the child: As discussed by pediatricians and psychiatrists at Hershey. Pennsylvania, 1947, March 6–8. New York, 1948.
- Yekelchik S. The Civic Duty to Hate. *Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion* (Kiev, 1943–53) / Dept. of History, Dept. of Germanic and Russian Studies University of Victoria, Canada. URL: <http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/7.3iekelchik.pdf>.